

УДК 376.564

**СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ РАБОТА
С БЕСПРИЗОРНЫМИ ДЕТЬМИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ПРАВОНАРУШИТЕЛЯМИ
В БОЛШЕВСКОЙ ТРУДОВОЙ КОММУНЕ**

Т.А.Антонова

Институт непрерывного педагогического образования НовГУ, balrina@yandex.ru

Рассматривается актуальная для всех периодов Российского государства проблема детской беспризорности. Показан опыт работы с беспризорными детьми в 20-30 гг. XX в. на примере Болшевской трудовой коммуны. Выявлены возможные перспективы дальнейшего развития социально-педагогической деятельности с беспризорными детьми.

Ключевые слова: *беспризорность, беспризорные дети*

The article touches upon the issue which is vital for all the periods of Russian state development – it is the problem of waifs and strays. The experience of work with homeless children in 20-30 years of XX century is shown by the example of Bolshevskaya

labour commune. The possible perspectives for further development of social-pedagogical activity with waifs and strays are revealed.

Keywords: *homelessness, waifs and strays*

Такой социально-педагогический феномен, как детская беспризорность, был присущ всем этапам развития России. Количество беспризорных детей достигало пиковых значений в периоды политических и социально-экономических потрясений и значительно уменьшалось в относительно благополучные периоды. Новый всплеск детской безнадзорности и беспризорности произошел в 90-е годы XX в. Несмотря на то, что в этом направлении проделана большая работа, безнадзорные и беспризорные дети продолжают оставаться тревожной приметой сегодняшней российской действительности, угрозой стабильному развитию государства. Беспризорности всегда сопутствуют тяжелые социальные последствия: преступность несовершеннолетних, алкоголизм, наркомания. В последнее время возросла востребованность миллионного социума беспризорных международным криминальным рынком (для трансплантации органов и тканей, для порнобизнеса). Все это ложится тяжелым бременем на общество, и если не перейти к решительным и эффективным действиям, «уличные подростки поднимут волну насилия и усугубят уже нависшие над нами социальные опасности» [1]. Все это делает проблему беспризорности предметом постоянного внимания государства и гражданского общества.

В этой связи следует подчеркнуть, что Россия имеет опыт по преодолению детской и подростковой беспризорности и преступности, который складывался в тяжелейших условиях коренного преобразования общественно-политического устройства, гражданской войны, разрухи, голода, низкого уровня материальной обеспеченности основной массы населения. К 1922 г. в стране насчитывалось около 7 млн беспризорников [2]. Борьба с детской беспризорностью стала для советской власти политической задачей.

Были приняты неотложные меры по спасению детей от голодной смерти: организация врачебно-питательных поездов, эвакуация детей из голодающих губерний в более благополучные районы и др. Основным средством борьбы с беспризорностью в 20-30-е годы XX в. стало определение детей и подростков в учреждения интернатного типа. В этот период создается разветвленная сеть временных и постоянных воспитательных учреждений для беспризорников, в которую входили приемники-распределители, детские дома, трудовые колонии и коммуны, пионерские дома, детские городки.

Наиболее сложный контингент беспризорных детей — несовершеннолетние правонарушители направлялись органами народного образования и милиции в трудовые коммуны, так как детские дома для их воспитания не подходили, а помещение в тюрьмы и лагеря способствовало бы закреплению формиру-

ющейся преступной психологии. Внутренняя жизнь этих учреждений основывалась на широком самоуправлении и самоорганизации. Большинство трудовых коммун входило в систему опытно-показательных учреждений Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса). Остальная часть трудовых коммун существовала под началом ОГПУ (Объединенного государственного политического управления при СНК СССР). Инициатором их создания стал председатель ОГПУ Ф.Э.Дзержинский.

Рассмотрим деятельность всемирно известной в свое время Большевской коммуны (Трудкоммуна №1). Она была создана в 1924 г. под Москвой (недалеко от станции Болшево по Северной железной дороге) по приказу ОГПУ. Заведующим коммуной был назначен Ф.Г.Мелихов, а общим руководителем проекта и ответственным за связь с ОГПУ — его сотрудник Матвей Самойлович Погребинский, прошедший службу в Рабоче-Крестьянской Красной армии и не имевший педагогического образования. Понимая, что в коммуне нужна иная система воспитания, чем в детских домах и большинстве колоний, где детей чрезмерно опекают и содержат на всем готовом, Погребинский изучал специальную литературу, ездил по тюрьмам, ночлежкам и рынкам Москвы, советовался с педагогами, подбирая персонал. Кроме Ф.Г.Мелихова Погребинский привел в коммуну С.П.Богословского, врача, которого знал со времен гражданской войны. По штату коммуны в ней не предполагалось наличие должностей воспитателей, только управленцы, педагог-хозяйственник, инструктора мастерских и руководители секций.

Первые восемнадцать воспитанников Большевской коммуны, беспризорники, были взяты из коммуны им. Р.Люксембург, далее контингент пополнялся из отбывавших наказание по суду в Бутырской, Таганской тюрьмах, концлагерях, арестных домах. За плечами они имели в среднем по семь-восемь судимостей (т.е. являлись рецидивистами), основной возраст — 17-18 лет, но были также и 13-летние и 25-летние [3]. «Они в большинстве социально-больные, но их еще нельзя назвать социально-опасными, хотя они легко могут быть и легко становятся такими», — так характеризовал своих подопечных Погребинский [4]. Численный состав коммуны в 1936 г. достиг пяти тысяч человек [5]. Первое время принимались только юноши, но с начала 1927 г. стали поступать и девушки. Создавшиеся впоследствии семьи проживали и работали в коммуне, которая с течением времени превратилась в самостоятельное поселение с собственными магазинами, яслями, школами, кинотеатром, библиотекой, радиостанцией и больницей.

За основу при построении коммуны были взяты следующие принципы:

- добровольность пребывания;
- доверие (проявлявшееся, например, в оставлении ребят без конвоя и отправке с деньгами в магазин, — такой педагогический прием использовал и А.С.Макаренко);
- производительный труд во благо общего хозяйства;
- полная самостоятельность коммунаров в единстве с руководством учреждения и персоналом;
- круговая порука: «все отвечают за каждого» (каждый отвечал за свои действия не перед администрацией, а перед коллективом).

Такие принципы и приемы воспитания вчерашних преступников помогали педагогам строить доверительные отношения с воспитанниками и формировать у них чувство ответственности.

Условиями для приема служили разрыв всех контактов с бывшими «друзьями», отказ от алкоголя, наркотиков и картежных игр, готовность трудиться, готовность подчиняться решениям органов самоуправления. Принимая такие условия, молодой человек, с одной стороны, подчеркивал добровольность своего выбора, с другой, — принимал ценности новой для него группы людей, что способствовало созданию здорового коллектива. Впоследствии такой коллектив становился эффективной и действенной силой воздействия на личность, оказывая на нее благотворное влияние. Случались уходы из коммуны проживших не более месяца с последующим возвращением, которое проходило через общее собрание, дававшее срок для исправления. Необходимо отметить достаточно хорошее материальное положение коммуны. Новичков сразу одевали во все новое, давали инструменты. Этому, несомненно, способствовало ее ведомственное подчинение ОГПУ.

Вновь прибывшие относились ко всему, что делалось в коммуне, недоверчиво, занимая выжидательную позицию. Важно было подавить власть вожаков, деспотически управлявших подвластными им группами, что делалось с опорой на активное ядро коммуны. С большим трудом прививались правила о запрете алкоголя, воровства, игры в карты, матерщины. Активисты прилагали немало усилий, чтобы убедить прибывших в коммуну, что они не «лягавые», т.е. не предатели. В перевоспитании использовалась склонность воспитанников к воровской романтике. Постепенно воровская спайка, основанная на страхе, преобразовалась в чувство товарищества, общности судьбы. Доказательством перевоспитания личности в условиях коллектива являлся факт отсутствия краж при том, что у ребят были ключи от всех складов.

В отличие от макаренковской педагогики, применявшей принцип «сожженной биографии», в Болшевской коммуне воспитанники свободно говорили о своем криминальном прошлом, вспоминали его и педагоги и многочисленные гости коммуны, что можно видеть из отзывов, оставленных посетителями.

А.С.Макаренко, критикуя этот факт, отмечал: «Погребинский совершенно зачарован этим самым прошлым и на каждом шагу о нем говорят и воспитанникам, и посетителям, а это бесчеловечно по отношению к ребятам», и называл это «культивированием отрывки прошлого, педагогическим безобразием» [6].

В основе воспитания лежал производительный труд. Производство начиналось в небольших «конурах с инструментами для кустарно-ручной работы», где были организованы обувная и деревообрабатывающая мастерские, затем были открыты кузница и слесарно-механический цех. Здесь не получило развитие сельскохозяйственное производство, хотя при коммуне существовал небольшой совхоз. Погребинский объяснял это двумя обстоятельствами: происхождением ребят из рабочих семей, непониманием деревенской жизни, и желанием иметь определенную квалификацию, знать «мастерство» [7].

Структура коммуны сложилась примерно к четвертому году ее существования. Во главе коммуны стояло общее собрание членов, которое было высшим органом самоуправления и последней инстанцией коммуны. Общим собранием на четыре дня выбирался контроль (после чего он делал краткий отчет, и его переизбирали), функцией которого было следить за всей жизнью коммуны, т.е., по сути, контроль выполнял функции исполнительного органа. Кроме этих органов самоуправления существовали комиссии по отраслям: вещевая, продуктовая, клубная. Они состояли из семи человек, избираемых на месяц. За порядок на производстве, в цехах отвечали цеховые комиссии, которые распределяли ребят по разрядам, наблюдали за работающими, разбирали мелкие конфликты в цехе. Самообслуживание существовало только на первых порах, по мере же вовлечения воспитанников в процесс квалификации приготовление пищи, стирка, а также охрана стали выполняться специальным персоналом, который содержался за счет вычетов из жалованья ребят. В 1925 г. в коммуне была организована комсомольская ячейка, прием в которую происходил на основе строгого отбора.

За проступки в коммуне применялись наказания: штраф — в случае повреждения общественного имущества (или его замена); отмена отпуска — в случае пропуска работы без уважительной причины; уборка помещения — в случае его загрязнения; крайняя мера — заключение под стражу сроком на неделю (по другим источникам — на один или два дня) в одной из московских тюрем [8].

Через четыре года уже существовал промышленный комплекс, состоявший из трех фабрик: обувной, выпускавшей спортивную обувь, коньковой (в 1930 г. выпускала 1 тыс. пар коньков в день) и трикотажной. Была введена оплата труда, первое время натурой — махоркой и табаком, а вскоре после этого — деньгами (сумма зависела от разрядов), особо

отличившимся выдавались премии. В среднем зарплата членов коммуны достигала 50 руб. (в 1928 г.), из нее удерживалась стоимость содержания, питания. Работали по восемь часов, несовершеннолетние — шесть часов. К 1936 г. выпуск спортивного инвентаря приносил коммуне доход в несколько миллионов рублей. Таким образом, изначально воспитательное учреждение превратилось в производственное предприятие.

При такой мощной организации производства школа играла второстепенную роль, не ставилось «широких планов по общему образованию ребят, придя в коммуну, ребята не увидели в ней ни книги, ни газеты» [9]. Школьные занятия велись ежедневно вечером по два часа. Нельзя было навязывать доклады на политические темы, нравоучительные беседы, так как воспитанники по своему «инстинкту» были анархисты, ярые противники власти, партии, комсомола» [10]. Только через несколько месяцев умелой, осторожной работы началось постепенное вовлечение коммунаров в общественную и культурную жизнь.

Эмоционально-духовную окрашенность жизни в коммуне придавали многочисленные кружки: музыкальные (хоровой, духовой, струнный), драматический, радиокружок, изостудия и спортивные секции. Болшевские спортсмены вышли на всеобщий уровень по многим видам: футболу, хоккею, лыжам, гимнастике, конькам, теннису, легкой атлетике, регби. Из коммуны вышло немало известных людей. Можно назвать поэтов П.Железнова, В.Державина (переводчика персидской поэзии), художника В.Маслова, имевшего персональные выставки и репрессированного в 1937 г., футболиста М.Свиридовского — участника легендарного «матча смерти», в котором команда «Динамо» (Киев) играла против команды фашистских ВВС. Формировалась библиотека, к 1928 г. в ней насчитывалось до тысячи томов, за свой счет выписывались газеты. В 1930 г. в коммуне открыли техникум. А с 1935 г. был взят курс на замену руководителей предприятий и цехов выдвиженцами из коммунаров, получившими к этому времени высшее техническое образование.

В 1933 г. коммуне присваивается имя Г.Г.Ягоды (наркома внутренних дел СССР), имевшего негласный статус ее «шефа». Имя коммуны не сходило со страниц советской печати. О ней писались восторженные статьи и книги, она являлась обязательным пунктом в маршрутах большинства иностранных делегаций, именно по ней был снят завоевавший международные награды первый советский звуковой фильм «Путевка в жизнь», в котором играли воспитанники коммуны. Ее опыт стремились перенять во вновь создаваемых трудовых коммунах. Посетил Болшево 28 июля 1929 г. вместе с дзержинцами во время летнего похода в Москву и А.С.Макаренко. Их «поразило настоящее производство, настоящее промышленное богатство. Болшево

— это старший брат: ребята там старшие, и дело у них серьезней» [11].

Кульминацией истории развития коммуны стал ее десятилетний юбилей, который отмечался в 1935 г. К нему были приурочены (по приказу Ягоды) снятие судимостей с двадцати девяти коммунаров и награждение руководителей — автомобилем (С.П.Богословского) и знаком «Почетный чекист»; коммунаров и работников — часами, грамотами от НКВД и ценными подарками [12].

Общее ужесточение режима в стране, выразившееся в ряде судебных процессов по политическим делам, самым непосредственным образом коснулось и Болшевской коммуны, приведя ее к трагическому концу. В апреле 1937 г. Г.Г.Ягода отстраняется от исполнения обязанностей наркома связи и арестовывается по обвинению в причастности к «антисоветскому правотроцкистскому блоку». Проходившие по делу обвинялись в шпионаже в пользу иностранных государств, вредительстве, диверсиях, терроре и т.п., а также в организации убийства С.М.Кирова и умерщвлении В.В.Куйбышева, В.Р.Менжинского, А.М.Горького и его сына М.Пешкова.

Имя Ягоды убрали из названия всех учреждений, в том числе и Болшевской коммуны. Сборник «Болшевцы», написанный в 1936 г. по инициативе и под редакцией М.Горького, не раз посещавшего коммуну, был изъят из книжных магазинов и библиотек. В марте 1938 г. Ягода был расстрелян.

Погребинский, узнав об аресте Ягоды, покончил жизнь самоубийством, застрелившись в своем кабинете 4 апреля 1937 г. Дни коммуны были сочтены. За три дня было арестовано более 400 человек, многие из них — расстреляны на Бутовском полигоне. Все обвинялись в контрреволюционной деятельности и создании боевых террористических групп. Наиболее пострадали воспитатели и педагоги, начальники цехов, директора и заместители директоров местных заводов и фабрик (в числе которых были и бывшие воспитанники). Коммунаров, у которых имелись неотбытые сроки по приговорам, помещали в тюрьмы и лагеря.

Так драматически прекратила свое существование Болшевская коммуна, а вслед за ней — и другие коммуны ОГПУ. С 1939 г. трудовые коммуны как производственно-воспитательные учреждения для правонарушителей были ликвидированы, репрофилированы и переименованы. Болшевская коммуна была передана в систему Наркомата легкой промышленности РСФСР как комбинат по производству спортивного инвентаря. На долгие годы даже на упоминание Болшевской коммуны было наложено табу.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что перевоспитание бывших правонарушителей в Болшевской коммуне было построено на следующих принципах:

— добровольности пребывания и доверия к набранным воспитанникам;

— авторитете позитивно ориентированного коллектива;

— сочетании производственного и теоретического обучения, включавших в себя самостоятельность в сферах управления, организации внутренней жизни, единства с руководством учреждения и персоналом.

Все это позволило преодолеть свойственные бывшим беспризорным, имевшим к тому же криминальное прошлое, паразитические настроения.

Большинству бывших беспризорников, покидающих интернатные учреждения сегодня, свойственен иждивенческий подход к жизни, что приводит к пополнению ими асоциального слоя российского общества. Тем самым, практически к нулю сводится воспитательная работа, проводившаяся с ними. Богатый опыт трудовых коммун 20-30-х годов XX в., который очень мог бы пригодиться сегодня в разрешении проблемы беспризорности, остается, увы, невостребованным.

1. Дети улицы: Растущая трагедия городов / Доклад Независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. М.: Междунар. отношения, 1990. С.141.
2. Познышев С.В. Детская беспризорность и меры борьбы с ней. М.: Новая Москва, 1926. С.10-11.
3. Погребинский, М.С. Трудовая коммуна ОГПУ. М.: Госиздат, 1928. С.26-42.
4. Там же. С.15.
5. Хиллиг Г. Макаренко и Болшевская коммуна // Педагогика. 2001. №3. С.61.

6. Макаренко А.С. Докладная записка члену правления коммуны им. Ф.Э.Дзержинского // Макаренко А.С. Пед. соч.: В 8 т. Т.1 / Сост. Л.Ю.Горди́н, А.А.Фролов. М.: Педагогика, 1983. С.126-127.
7. Погребинский М.С. Указ. соч. С.59.
8. Хиллиг Г. Новые данные о Болшевской коммуне // Педагогика. 2006. №5. С.84.
9. Погребинский М.С. Указ. соч. С.54,70.
10. Там же. С.71.
11. Макаренко А.С. Перевернутые страницы // Макаренко А.С. Пед. соч.: В 8 т. Т.1. С.159.
12. Гладыш С.Д. Дети большой беды. М.: Звонница-МГ, 2004. С.323-325.

Bibliography (Transliterated)

1. Deti ulicy: Rastushhaja tragedija gorodov / Doklad Nezavisimojj komissii po mezhdunarodnym humanitarnym voprosam. M.: Mezhdunar. otnoshenija, 1990. S.141.
2. Poznyshhev S.V. Detskaja besprizornost' i mery bor'by s nejj. M.: Novaja Moskva, 1926. S.10-11.
3. Pogrebinskijj, M.S. Trudovaja kommuna OGPU. M.: Gosizdat, 1928. S.26-42.
4. Tam zhe. S.15.
5. Khillig G. Makarenko i Bolshevskaja kommuna // Pedagogika. 2001. №3. S.61.
6. Makarenko A.S. Dokladnaja zapiska chlenу pravlenija komuny im. F.E.Dzerzhinskogo // Makarenko A.S. Ped. soch.: V 8 t. T.1 / Sost. L.Ju.Gordin, A.A.Frolov. M.: Pedagogika, 1983. S.126-127.
7. Pogrebinskijj M.S. Ukaz. soch. S.59.
8. Khillig G. Novye dannye o Bolshevskojj kommune // Pedagogika. 2006. №5. S.84.
9. Pogrebinskijj M.S. Ukaz. soch. S.54,70.
10. Tam zhe. S.71.
11. Makarenko A.S. Perevernutyje stranicy // Makarenko A.S. Ped. soch.: V 8 t. T.1. S.159.
12. Gladyshev S.D. Deti bol'shoj bedy. M.: Zvonnica-MG, 2004. S.323-325.